

Курама совершенно не осознавал, насколько бесполезными люди были на первом отрезке своего жалкого, ничтожного существования, пока сам не застрял в одном из них. Ко времени досадных встреч Курамы с Мито и Кушиной, обе были способны и разговаривать, и сражаться, и выполнять одно за другим все из огромного множества дел, которые людям нужно было совершать ежедневно ради простейшего выживания. Курама был огромным ступотом энергии в форме лисы. Ему не были нужны такие вещи, как еда. Или воздух. Или сон.

Ему не были нужны такие вещи, как еда, воздух или сон.

Основной проблемой был сон.

Это был глубоко заложенный и совершенно бесполезный человеческий эволюционный механизм, и в полное бешенство приводило то, как он опускался кувалдой, когда ему только хотелось. То есть почти всегда. Постоянно. По сути, каждый раз, когда Курама чувствовал, что он наконец-то продвинулся в понимании того, что за хрень с ним произошла, сон радостно вышвыривал его гипотезу прочь и кружил у задних стенок черепа Курамы, пока тот не засыпал.

Мозг младенца был слишком недоразвит, чтобы выдерживать огромный наплыв информации, которую Курама накопил за столетия. Сложные цепочки размышлений приводили к головным болям, непредсказуемым, жгущим и совершенно незнакомым, а после — темнота, прямо как очень раздражающая кнопка выключения. То же самое происходило с эмоциями. Совершенно не помогало то, что Курама испытывал в основном вспышки неконтролируемой ярости, и их чистая сила заставляла его тупой крошечный мозг полностью отключаться.

Сон был защитным механизмом этого человеческого тела, не дающим Кураме спалить все свои нейроны. Кроме того, в данный момент сон был его заклятым врагом. Курама не мог разобраться ни с чем — включая план освобождения — со сном на своём пути.

Когда он не спал, Курама кричал, ел или с яростным, старательным упорством пытался сдвинуться — усилия, оставшиеся не вознаграждёнными. Чистой неэффективности всей этой системы было достаточно, чтобы Кураме хотелось скрипеть зубами, пока они не сотрутся в порошок, но у него пока даже не было зубов, чтобы ими скрипеть. Очевидно, что кто бы ни занимался проектированием людей, он был совершенно некомпетентным и полным идиотом.

Большинство его старых чувств пропали. Новые, приобретенные взамен, были жалкими имитациями, и в основном размытыми. Станные ощущения толпились в его голове, перекрикиваясь между собой. Его слух поблек до чего-то ограниченного и малозначимого — человеческий диапазон децибел — и в моменты ясности сознания он едва мог открыть свои глаза достаточно надолго, чтобы увидеть размытые разноцветные пятна.

Адаптация была ужасной. Ужасной.

Курама никогда не собирался становиться сильно счастливым ребёнком, но первый отрезок был худшим и для него, и для людей, назначенных за ним присматривать. Он не плакал

столько, сколько он выл, и молочная смесь, которой его кормили, имела досадную привычку заканчивать свой путь на чьих-нибудь лицах. Вся его энергия была направлена на единственную лихорадочную задачу привыкнуть к этой идиотской человеческой оболочке, вплоть до того, что он отложил в сторону свои планы и построения. Не имело смысла фокусироваться на них, когда яростная головная боль от того, что Курама просто открывал глаза свету, быстро отправляла его обратно в сон.

У него по-прежнему была его способность чувствовать чакру, спасибо Отцу. Это хоть как-то компенсировало потерю информации из-за его остальных дерьмовых чувств.

Сезоны сменялись. Жизненные циклы деревьев и травы смешивались в знакомую песню в его ушах. Когда пришла весна, Курама чувствовал, как осторожно разворачивается новая жизнь, крошечные уколы света, медленно кружащиеся вокруг, и как муссонный ливень, принесший огромные, незнакомые волны чакры с востока, напитывал собой растения.

Курама чувствовал, как он растёт, и это было неприятно.

Даже пока он пытался приспособить свой разум к этому новому, неподходящему телу, оно продолжало меняться, и время, потраченное в его ловушке, текло мучительно медленно и в то же время пугающе быстро. Курама был существом постоянных величин; люди определённо были непостоянны. Их поколения быстро забывали прошлое, меняя формы, облики и цвета каждый раз, когда Курама решал на них взглянуть. Они вырастали от младенца до взрослого, а затем и старика, пока он успевал лишь немного подремать. Курама был не таким, он не был создан для такого. Он ненавидел быть вынужденным, блять, приспособливаться.

Он ел, спал и в периоды краткой продуктивности контролировал свою ярость. Она служила не очень хорошим руководством к действиям. Совсем наоборот, пожалуй. И таким образом со временем даже эта всепоглощающая волна была выщерблена по кусочкам, смываясь, истощаясь и бледнея с каждым провалом в черноту. К тому времени, как он наконец-то смог есть детскую еду, Курама мог кое-как подавить чувство смутного отвращения от постоянного осознания присутствия поблизости кушинова отродья, пылающего с жаром белого солнца. Оно не приносило ему ничего хорошего. У Курамы были приоритеты. Он мог заняться презирианием отродья, когда у него будет роскошная возможность не вырубаться из-за умственного напряжения.

Существование в виде тупого человеческого младенца было смехотворно, унинительно и утомительно.

Мудрец, за что.

Лето пришло вместе с оживлённым цветением. Пространство снаружи превратилось в завесу

золотисто-белого света. Люди, похоже, тоже пользовались этой возможностью, чтобы чудесным образом множиться, хотя это могло быть скорее потому, что Курама наконец-то обрёл способность сосредотачиваться больше чем на пять секунд за раз.

Их было множество.

Отродье Узумаки Кушины всегда было ближе всех, за ним были другие дети — маленькие мерцающие букашки со своими системами чакры, напоминающими пламя свечей, отделённые от Курамы рассыпающейся штукатуркой и пустотой. Другими были охранники из АНБУ, сидящие в тёмных уголках комнаты, женщина с чакрой, похожей на чайные листья, которая потрескивала со тщательно сдерживаемым страхом каждый раз, когда она подходила близко к Кураме, чтобы покормить его или поменять его подгузник. Курама обратил на неё внимание по той причине, что он ощущал эту женщину постоянно, будь то физический контакт, шёпот тёплой воды, капающий зелёно-голубым сквозь её чакросистему, или же шорох под ногами, когда её беспокойство подскакивало.

Его смотрители его явно недолюбливали. Курама испытывал неоднозначные чувства в ответ. Он считал время по визитам Человека-Обезьяны. Как по часам, дважды в неделю Курама ненадолго мог увидеть уродливую шляпу, морщинистое лицо и услышать тихий, усталый голос. Большую часть времени мужчина разговаривал с отродьем, которое в ответ счастливо булькало и действительно реагировало на смешные рожи, которые корчил мужчина, в отличие от Курамы, который вместо этого морщил нос и со страшной яростью кричал. Вид дергающегося лица этого ублюдка приводил Кураму в эйфорию.

Лето пришло и ушло. Встречи с кем-либо, кроме Хокаге, охранников из АНБУ и далёкой чайно-листовой смотрительницы были редки. Иногда АНБУ мог положить их двоих на пол и молча, словно призрак, смотреть как отродье Кушины делало громкие, булькающие звуки, а Курама сохранял своё задумчивое молчание. Потом АНБУ показывали разные предметы: карточки с напечатанными на них простенькими картинками, тупое резиновое оружие, порой игрушку, медленно произнося соответствующие слова. Работники приюта не взяли на себя задачи по развитию их образования.

В одно из таких занятий кушиново отродье уже шарилось по комнате, быстро ползя на четвереньках, пока Курама безуспешно пытался скопировать его движения — ну конечно, отродье было в этом лучше его, ну конечно — когда текущий учитель из АНБУ достал из кармана игрушечное зеркало и помахал им перед лицом Курамы.

— Зеркало, — сказал он, медленно и чётко проговаривая звуки.

Курама бросил взгляд на своё отражение и издал сдавленный, хрипящий звук.

Крошечный младенец, смотрящий на него из отражения, имел огромные лавандовые глаза и костерок красных волос. На его пухлых щеках виднелись тонкие линии усов, а его рот был открыт в выражении потрясённого ужаса.

Он выглядел как Узумаки Кушина.

Он выглядел точно так же, как выглядела бы Узумаки Кушина, если бы была шестимесячным младенцем.

Это было плохо.

Раньше он не сильно задумывался над своим внешним видом, размышляя о своём теле только с точки зрения его ограничений и того, какую клетку оно из себя представляло. Он не думал о том, что будет выглядеть как Узумаки Отцом-проклятая Кушина.

АНБУ потряс зеркалом как погремушкой. Он проигнорировал внезапные содрогания Курамы и снова сказал:

— Зер-ка-ло.

— Ар-р-ргх, — сказал Курама, неловко шлёпнув руками по полу. Его новые голосовые связки ещё не работали нормально, сраные людишки, так что то, что должно было прозвучать как "Я знаю, что это такое, идиот", покинуло его рот в виде невнятного лепета.

АНБУ склонил голову набок. Прядь наспех постриженных коричневых волос упала на его спрятанный под маской сокола подбородок.

— Зеркало. Ну же, малыш.

Успевшее проползти через комнату отродье бросилось к названному предмету, тесня Кураму.

— Елало, — проворковало оно.

АНБУ приподнял зеркало, чтобы оно оказалось вне досягаемости детей — мудрое решение, учитывая то, что большая часть вещей, до которых добиралось отродье, в итоге заканчивали покрытыми слюной. Это, к сожалению, включало одежду Курамы.

— Да, зеркало, — довольно сказал АНБУ. Он спрятал зеркало, освобождая обе руки, и указал на отродье. — Наруто.

— Бварвава, — парировало отродье.

Потом АНБУ указал на Кураму.

— Менма, — было чётко произнесено слово, и Курама в ответ оскалился и зашипел.

Менма.

Так его звали люди.

Он не обращал особенно много внимания в ту сторону, когда родители отродья придумывали детские имена, но мысли Кушины были громкими, а у Курамы не то чтобы были занятия поинтереснее. Так что, занимаясь придумыванием планов побега, он слушал, пусть и краем уха. Кушина и её проклятый Хокаге пришли к следующим решениям: "Наруто", если будет мальчик, и "Менма", если будет девочка. Их фантазия на имена была воистину кошмарна — оба имени означали ингредиенты для рамена, за что это — и каким-то образом, благодаря чистому везению или, возможно, просто из-за внешности, отродье Кушины получило имя, которое ему было предназначено, а Курама, которого здесь вообще не должно было быть, получил оставшееся.

Ингредиент для рамена. Как будто вся эта ситуация сама по себе недостаточно бесит.

— Менма, — опять показал пальцем АНБУ.

Курама бросился вперёд и попытался откусить ему палец.

События десятого Октября всё ещё оставались загадкой, но к тому времени, как он научился ползать на четвереньках, Курама сформулировал предположения о том, что он не должен делать. Краеугольным камнем запечатывания хвостатых было то, что если их носитель умирал, то и они вместе с ним. Именно благодаря этому деревни, пусть и с большими трудностями, выторговывали у Курамы и его братьев их чакру. Они, конечно, могли воскреснуть, но это был неприятный процесс — особенно для Курамы, у кого из всех девятиерых было больше всего чистой силы. Смерть могла означать десятилетия, проведённые в забвении.

Другой проблемой было то, что ублюдок Намиказе разделил его напополам.

Курама не знал последствий деления надвое. Подобных событий ранее не случалось. Он не хотел, чтобы такие события когда-либо случались. Но оно случилось, и теперь Курама пытался придумать, что с этим делать.

Первой проблемой было то, что Курама не имел ни малейшего понятия, был ли он стабилен вне печати. Часть его была чистой Инь чакрой и другая часть была чистой Янь. После деления он вроде бы был в порядке, разве что меньше размером, но тогда он был настолько ослеплён яростью, что не заметил бы, если бы начал понемногу превращаться в дым.

К тому же, это не считалось. Он был разделён минуты на две, прежде чем Узумаки Кушина

заточила его обратно.

Второй проблемой было то, что Курама очень, очень не хотел умирать. У него были возможности освободиться, но они были основаны на догадках, и все они имели большой шанс отправить Кураму на тот свет. Он не был уверен, что случится, если умрёт только одна его половина. Сможет ли он собраться вновь, будучи половиной, или будет вынужден ждать, пока вся его чакра не вернется в круговорот?

Курама не желал это проверять.

Совсем.

Что, к сожалению, ставило большой заслон перед его планами.

Простейшим путём к свободе было бы высвободить его чакру (в печати существовал механизм, запирающий её, и Курама был вполне уверен, что, если у него будет достаточно времени, он сможет его взломать), убить отродье Кушины и сжечь деревню. Другим вариантом было убить кушиново треклятое отродье, а потом себя, тем самым возвращая всю его чакру обратно в великий земной круговорот энергии. В первом способе была проблема "если я умру, пока я разделён напополам..." и опасность опять оказаться запечатанным Человеком-Обезьяной. Во втором была угроза на столетие застрять в состоянии несуществования.

Он не мог действовать в деревне, и точка. Здесь слишком высок был шанс того, что что-то пойдёт не так, что кто-нибудь заметит и запечатает его вновь. Он не хотел умирать, так что ему нужно было найти способ сломать и свою и отродьеву печати. Ему нужно было время, чтобы соединиться обратно, восстановить силы и затем уничтожить деревню с безопасной дистанции.

Ему нужно было терпение.

Дело представлялось утомительным и приводящим в ярость, и Кураме требовался определённый уровень доверия, чтобы всё сработало, но этот вариант определённо был лучше двух предыдущих. Люди жили недолго. Ему потребуется десяток или два лет, прежде чем он сможет всё проделать, и лучше устроить это прежде, чем отродье вырастет достаточно, чтобы понять, что именно Курама затаил. Ему нужно было найти способ взломать печати, оказаться подальше от деревни и протащить двух строго охраняемых "джинчурики" за стены Конохи, прежде чем кушиново отродье вырастет достаточно, чтобы представлять для него угрозу.

Всё это должно было занять десятилетие, может два. Кураме нужно будет притворяться, вести себя примерно и убедиться, что соплёк выживет, чтобы принять участие в плане, но это всё равно было лучше, чем небытие, маячившее в других вариантах.

Десятилетие, может два. Курама ждал свободы почти сотню лет.

Он может подождать ещё чуть-чуть.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500348>